

Владимир Александрович Федоров
СОЛДАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ
ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Сборник статей в память академика
Евгения Викторовича ТАРЛЕ
Редактор - составитель В. В. Альтман
М.: изд-во Академии наук СССР. 1957. С. 359-371

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://ViveLiberta.com), 2011

Антикрепостническое движение угнетенных масс в России эпохи декабристов проходило в обстановке назревавшего кризиса феодально-крепостнической системы. В тесной связи с обострением классовых противоречий в стране находилось и начавшееся брожение в армии.

На основании изучения главным образом архивного материала удается установить, что за первую четверть XIX в. произошло не менее 31 случая восстаний и волнений в русской армии, в том числе 16 солдатских волнений и 7 коллективных выступлений передового офицерства в регулярных войсках, 6 восстаний и волнений в военных поселениях и 2 восстания ополченцев.

Положение солдат в русской армии в изучаемое нами время было необычайно тяжелым.

Выражением крепостного гнета являлся уже сам способ комплектования войск — ненавистная рекрутчина. Она была одной из самых тяжелых феодальных повинностей, лежавших на русском крестьянстве. Крепостной гнет в армии проявлялся в суровой палочной дисциплине, в почти полном бесправии солдат и почти неограниченной власти над ними их начальников, высших и низших, которые обращались с солдатами, как помещики со своими крепостными, хотя солдат, взятый по рекрутскому набору, формально считался свободным человеком.

Несмотря на колоссальные военные расходы, солдаты были плохо одеты и обуты, скверно питались.

Борясь с антикрепостническими идеями, все более и более овладевавшими военной средой после Отечественной войны 1812 г., самодержавие усиливало крепостной гнет в армии, внедряя реакционные аракчеевские порядки.

Аракчеевщина превращала солдата в бессловесный автомат, долженствующий слепо подчиняться воле начальства.

Аракчеевщина проявлялась также в применении репрессий к передовым офицерам, которые заменялись аракчеевскими ставленниками.

Заслуженные в боях солдаты и офицеры, должны были, подчинившись мертвой аракчеевской схеме, заново «обучаться» плац-парадному искусству, совершенно не нужному для боевой деятельности.

Все это служило почвой для роста недовольства солдатской массы и распространения в ее среде антикрепостнических настроений. Солдаты уже не хотели больше мириться со своим тяжелым и бесправным положением и заявляли свой протест в самых разнообразных формах, какими являлись: подача просьб и жалоб, побег и самоубийства, наконец, открытые — одиночные и коллективные — выступления и акты неповиновения, переходившие в волнения.

Антикрепостнические настроения крестьянства находили свое отражение в солдатской среде. Сказывалось и то, что в солдаты часто сдавали участников крестьянских и рабочих волнений.

В изучаемый нами период значительно усилилось дезертирство солдат, принявшее массовый характер. Начальник штаба 1-й армии в своем циркуляре от 21 октября 1820 г. писал, что «число бежавших от времени до времени весьма значительно умножается». При этом он вынужден был признать, что причиной усилившихся побегов было очень тяжелое положение солдат¹.

Особенно увеличилось число побегов из 2-й армии, стоявшей на юге. По данным ведомости об убыли людей из 2-й армии, видно, что из армии бежало: в 1819 г.—1086 человек (или 1,3% всего личного ее состава), в 1820 г.—1405 человек (или 1,54% личного состава), а в 1821 г.—1612 человек (1,6% личного состава)².

В целях борьбы с массовым дезертирством в 1820 г. в качестве высшей меры наказания была введена смертная казнь. Командование выделяло целые отряды для поимки бежавших солдат.

О росте солдатского протеста против крепостнических порядков в армии свидетельствует и возросшее число самоубийств. Как показывает ведомость Главного штаба, в 1816 г. произошло 119 случаев самоубийств солдат, в 1817 г.—159, в 1818 г.—177, в 1819 г.—199, в 1820 г.—195, в 1821 г.—205³. Таким образом, даже судя по официальным данным, число самоубийств солдат за 6 лет возросло почти в два раза.

От пассивных форм протеста — подачи просьб и жалоб, побегов и самоубийств — солдаты все чаще переходили к более организованным и активным формам протеста — к коллективным выступлениям.

Одним из самых крупных солдатских выступлений против крепостного гнета явилось волнение в гвардейском Семеновском полку в 1820 г.

Выступление этого старейшего привилегированного гвардейского полка с протестом против крепостнических порядков в армии имело исключительно важное значение. Возникнув в тесной связи с начавшимся брожением в гвардии против крепостного гнета, волнение Семеновского полка в свою очередь оказало сильное влияние на рост этого брожения. Оно вызвало широкий отклик как со стороны столичного гарнизона, так и со стороны различных кругов населения столицы. Под непосредственным влиянием волнения в Семеновском полку в конце 1820—начале 1821 г. прокатывается волна солдатских выступлений в лейб-гвардии Московском, лейб-гвардии Преображенском, лейб-гвардии Гренадерском, лейб-гвардии Измайловском, лейб-гвардии Финляндском полках и в Гвардейском морском экипаже⁴. Солдаты грозили «сделать революцию» на манер «гишпанской», если не помилуют семеновцев. Отправка гвардии в заграничный поход весной 1821 г. несомненно преследовала также и ту цель, чтобы удалить волнуемую гвардию из столицы накануне расправы над солдатами Семеновского полка. Волнение в Семеновском полку явилось чисто солдатским выступлением и не было связано с деятельностью декабристов. Тем не менее оно оказало значительное влияние на декабристов, в част-

¹ ЦГВИА, ф. 343, д. 136, л. 1.

² Сб. Русского исторического общества (РИО), т. 78, стр. 102.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 825.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 850, л. 1 и 5; ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Шильдера, К—40, № 17, л. 15—16, 18 об. и 60; К—19, № 2, л. 413—414; А. С. Гангелов. Воспоминания декабриста. М., 1888, стр. 14; А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 18, М. В. Нечкина. Восстание 14 декабря 1825 г. М., 1951, стр. 124; «Русский Архив», 1875, № 12, стр. 408—409, 411—412, 415—416.

ности на разработку ими тактики военной революции. Не без связи с этим событием декабристы на московском съезде Союза Благоденствия в январе 1821 г. принимают решение «действовать на войска и готовить их на всякий случай». Штрафованные семеновские солдаты, разбросанные по различным армейским полкам, явились хорошим ферментом брожения в войсках и впоследствии надежной опорой декабристов в их агитации, подготовлявшей солдат к вооруженному восстанию. Под влиянием волнения в Семеновском полку декабристы увидели, что «армия готова», об этом же свидетельствовали и последующие участвовавшие впоследствии волнения в войсках.

В 1820—1825 гг. произошло не менее 22 случаев открытых коллективных выступлений в регулярных войсках: из них 15—солдатских и 7—передового офицерства. Усиление брожения в армии после волнения в Семеновском полку являлось выражением дальнейшего роста классовых противоречий в стране.

Великий князь Константин в одном из секретных предписаний от 21 мая 1821 г. приказывал подчиненным генералам принять все меры «к отвращению вкрадывающегося духа неповиновения и вольнодумства» в армии. Константин вынужден был признать, что после возмущения Семеновского полка «открываются разные подобные сему происшествия и далее, так что нижние чины выходят из послушания своим начальникам»⁵.

Характерно название дела, в котором содержится предписание Константина,— «О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства». Появление подобных документов — свидетельство того, что антиправительственные и антикрепостнические настроения в армии получили в это время довольно широкое распространение.

Солдаты боролись за улучшение своего тяжелого положения: за отмену изнуряющей муштры и телесных наказаний, за удаление жестоких начальников, за сокращение срока службы, требовали улучшения пищи и увеличения жалованья. Солдаты не выставляли и не могли, в виду своей политической малосознательности, выставить политические требования, тем не менее солдатские требования перекликались с антикрепостническими требованиями крестьянства.

Непосредственными поводами солдатских волнений очень часто были жестокие наказания, плохое содержание и обкрадывание солдат начальством.

В апреле 1821 г. на почве экономических притеснений и обворовывания солдат возникли волнения в лейб-гвардии Финляндском полку. Одна из рот хотела продать принадлежавшую ей сэкономленную муку. Командир роты штабс-капитан Корсаков запретил это сделать. Но солдаты, «не взирая на запрещение», муку продали. В ответ на это Корсаков подверг унтер-офицеров роты суровому наказанию. Громко протестуя против наказания, солдаты заволоновались и, одевшись, вышли из казарм. Прибывшим начальникам солдаты пожаловались на жестокость ротного командира и на присвоение им 800 рублей, собранных с солдат якобы на зеркала, которые на самом деле не были куплены.

Начальство круто расправилось с ротой. За «возмущение» унтер-офицеры были разжалованы. 7 рядовых как «главные возбудители к бунту» были прогнаны сквозь строй через 1000 человек от двух до шести раз

⁵ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Шильдера, К—19, № 12, л. 2—8.

каждый. Штабс-капитан Корсаков, несмотря на явные улики против него, отделался всего лишь четырехмесячным арестом⁶.

В 1821—1822 гг. в связи с воровством и жестокостью ротных и батальонных командиров происходят волнения в Камчатском и Охотском полках, входивших в состав 16-й пехотной дивизии, которой командовал декабрист М. Ф. Орлов. В 16-й дивизии служили многие солдаты и офицеры из находившегося во Франции observationalного корпуса графа М. С. Воронцова. Офицеры этого корпуса были известны своей образованностью и «вольномыслием», а солдат высшее начальство считало «зараженными духом свободы и неповиновения». В 16-й дивизии служил «первый декабрист» В. Ф. Раевский, преданный в 1822 г. военному суду за антиправительственную агитацию среди солдат. В своих беседах с солдатами Раевский напоминал им о волнении в Семеновском полку и говорил о необходимости последовать примеру семеновских солдат. Под начальством Орлова в 16-й дивизии служили декабристы К. А. Охотников и А. Г. Непенин.

Между тем в дивизии было немало офицеров аракчеевской школы, истязавших солдат. Так, один из них, майор Вержейский, собственноручно бил солдат кулаком по лицу, избивал палками и тесаками «по голому телу» и «в лежачку», посылал «сеченое тело» солью; по его приказу солдат прикручивали для наказания к козлам или привязывали к поднятым оглоблям саней «как бы распятыми». Другой офицер, майор Карчевский, выстроив свое подразделение, «с правого до левого фланга бил всех по зубам»⁷.

Став в 1820 г. командиром дивизии, Орлов принял меры против офицеров, истязавших солдат. По настоянию Орлова многие из офицеров за жестокое обращение с солдатами были преданы суду.

В начале декабря 1821 г. вспыхнули волнения в Камчатском пехотном полку. Этому предшествовало следующее. Командир 1-й мушкетерской роты капитан Брюхатов похитил 3331 руб. 98,5 коп. солдатских денег. Кроме этого, Брюхатов потребовал у ротного артельщика Блищинского деньги, вырученные от продажи ротой сэкономленной ею муки. В ответ на домогательства Брюхатова, Блищинский заявил, что эти деньги принадлежат роте и что он не имеет права никому их отдавать. За это Брюхатов подверг Блищинского жестоким истязаниям. Шедшая в тот момент на учение рота окружила место наказания и потребовала прекратить его. В ответ Брюхатов приказал «бить чаще». Тогда с криком «не даем бить его!» солдаты вырвали палки у наказывающих и остановили наказание.

М. Ф. Орлов 6 декабря лично опросил роту о причинах ее возмущения и, узнав о поступках Брюхатова, отстранил его от командования ротой и отдал под суд. Известия о волнении 1-й мушкетерской роты Камчатского полка дошли до сведения высшего начальства, и виновные солдаты были преданы военному суду. Хотя претензии солдат были неопровержимы, однако за «возмущение» суд вынес им суровый приговор. Признанные главными «зачинщиками возмущения» фельдфебель Дубровский⁸ и рядовые: Игнатий Казурский, Григорий Киценко и Онуфрий Рябчинский были наказаны перед строем кнутом, получив до 80 ударов, отчего через

⁶ Филлал ЦГВИА, ф. 534 (Полевой Аудиториат 1-й Армии), д. 2401 («О предании суду штабс-капитана лейб-гвардии Финляндского полка Корсакова и нижних чинов, учинивших возмущение»); «Русский Архив», 1875, № 2, стр. 411—412.

⁷ ЦГВИА, оп. 183, св. 404, д. 14; св. 406, д. 79; «Русский Архив», 1866, стр. 1432—1433.

⁸ Фельдфебель Дубровский еще за месяц до волнения несколько раз собирал роту и советовал ей подать жалобу на притеснения Брюхатова.

двое суток умерли. Брюхатов же понес сравнительно легкое наказание: он был разжалован в рядовые до выслуги и определен на службу в Оренбургский пехотный полк⁹.

Вскоре вслед за волнением в 1-й мушкетерской роте произошло выступление в 1-й гренадерской, которая жаловалась на своего ротного командира капитана Алейникова, укравшего у солдат 65 четвертей муки. В связи с этим было наряжено новое следствие, результаты которого, к сожалению, нам не удалось установить¹⁰.

Предание суду и вынесение суровых приговоров не могли смирить недовольство солдат Камчатского полка, которое грозило вылиться в новую вспышку возмущения. В полку участились случаи одиночных неповиновений солдат начальству, солдаты все чаще говорили «грубые» и «дерзкие» слова своим офицерам¹¹.

Месяца два спустя после волнений в Камчатском полку возникло волнение в Охотском полку. На этот раз солдаты выступили против изнурительных учений. Виновные солдаты были немедленно арестованы. Военный суд, рассмотревший дело в течение 24-х часов, приговорил пять «зачинщиков» — Осипа Иванченко, Илью Водолазко, Терентия Герасимова, Никиту Лисова и Дениса Желтова к «лишению живота», «дабы через то другим страх подать и их впредь от подобного удержать».

По конфирмации командующего 2-й Армией Витгенштейна, Иванченко, Водолазко и Герасимов были прогнаны сквозь строй через батальон от одного до трех раз, а Желтов и Лисов подверглись жестокому наказанию палками перед строем¹².

Правительство, недоброжелательно и настороженно относившееся к настроениям в 16-й дивизии и к гуманности Орлова по отношению к солдатам, уже с самого начала командования им дивизией учредило за ним секретный надзор. О поведении Орлова был осведомлен сам Александр I. Происшедшее волнение в Камчатском полку и подобные случаи солдатского протеста в других полках 16-й дивизии были использованы для обвинения Орлова в «упадке дисциплины» в дивизии, вследствие чего в апреле 1823 г. он был отстранен от командования ею.

Волнения в 16-й дивизии и происходившие в последующие годы многочисленные другие волнения и выступления в русской армии хорошо показывают, насколько возросла активность солдатского протеста против тяжелого положения солдат и произвола крепостников-командиров, насколько усилился «дух неповиновения» среди солдат.

В феврале 1822 г. произошло волнение в 8-й роте 33-го Егерского полка. Солдаты выступили против тягот крепостнической службы и экономических притеснений, оказав активное сопротивление усмирявшим их офицерам. Военным судом трое «зачинщиков»: Тит Якимов, Филипп Каплин и Андрей Волков, как подбивавшие роту к «возмущению», были приговорены к смертной казни, но затем приговор был изменен, и их прогнали сквозь строй «через комплектный батальон» от одного до четырех раз¹³.

⁹ ЦГВИА, ф. Молдавской Армии, оп. 183, св. 338, д. 68; св. 473, д. 11; «Воспоминания И. П. Липранди». «Русский Архив», 1866, стр. 1438—1441; М. О. Гершензон. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 41—44; В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.—Л., 1949, стр. 70—73. М. Цявловский. Новое о Пушкине в Кишиневе. «Новый мир», 1937, № 1, стр. 288.

¹⁰ ЦГВИА, оп. 183, св. 473, д. 11, л. 5 об.

¹¹ Там же, св. 405, д. 75.

¹² Там же, св. 337, д. 61.

¹³ Там же, св. 404 д. 32 («Выписка из военно-судного дела, производившегося при 33-м Егерском полке над рядовыми Якимовым, Каплиным и Волковым, судимым за буйство и неповиновение ротному командиру»).

В начале декабря 1822 г. имело место выступление в 5-й мушкетерской роте Брестского пехотного полка. Солдаты протестовали против жестоких наказаний и тяжелых учений. По словам генерала Довре, офицеры этого полка били солдат по лицу и в грудь палками, «и не довольствуясь этим», наказывали их «шомполами и шпажными фухтелями». В полку особенной жестокостью отличался командир 2-го батальона майор Дункель. По свидетельству солдат, во всех ротах 2-го батальона давно уже возникло недовольство Дункелем. Еще в ноябре 1822 г., когда батальон стоял в г. Бресте, «была молва между солдатами, чтобы жаловаться на майора начальству».

2 декабря 1822 г. во время учений Дункель остался недоволен выправкой ефрейторов и унтер-офицеров и приказал им явиться в батальонную штаб-квартиру, пообещав «разделаться» с ними «по свойски». Унтер-офицеры и ефрейторы отказались явиться к Дункелю и отправились, в числе 8 человек, в г. Брест жаловаться полковому командиру полковнику Пинабелю на жестокое обращение Дункеля. Пришедшие заявили протест против жестокостей, но были арестованы и по приказу Пинабеля наказаны перед строем, получив 150 ударов палками. Унтер-офицеров разжаловали в рядовые, вместе с ефрейторами раскассировали по другим ротам, и за их поведением был учрежден строгий полицейский надзор¹⁴.

В феврале 1823 г. произошло волнение в эскадроне Екатеринославского кирасирского полка, стоявшего в г. Орле. Солдаты сначала подали жалобу на тягость военной службы и на незаконное удержание с каждого из них по 40 коп. во время раздачи годовых амуниционных денег. Начальство жалобу признало «несправедливой», а подавших ее арестовало. В ответ весь эскадрон вышел из повиновения и, бурно протестуя против произвола начальства, потребовал освободить арестованных. При этом солдаты «оказывали дерзости» говорившим с ними офицерам. Волнение продолжалось с 9 по 19 февраля и было прекращено репрессиями. 18 солдат были прогнаны сквозь строй и сосланы в Сибирь. Весь эскадрон был расформирован, причем каждому солдату сверх положенных 25 лет службы было прибавлено еще по три года¹⁵. Восстание этого эскадрона привлекло внимание декабристов. П. И. Пестель посылал члена «Южного общества» А. В. Поджио со специальным заданием выяснить подробности восстания¹⁶.

В начале 1823 г. велось следствие об унтер-офицере Севского пехотного полка Никитине и нижних чинах, «бунтовавших команду». Как видно из сохранившихся отрывков переписки по этому делу, солдаты выступили во главе с унтер-офицером Никитиным против жестокого полкового командира полковника Линдена, который, по словам автора одного из писем, Николая Раевского¹⁷, был дурным начальником, подобно Шварцу». Сведений о подробностях этого выступления и о дальнейшей судьбе солдат в деле не оказалось¹⁸.

В конце июня 1823 г. в Тобольском пехотном полку 1-я гренадерская рота «вся взбунтовалась в виду целой дивизии». Командир этой роты поручик Перцов, «будучи всегда строг по службе, за что был не любим

¹⁴ ЦГВИА, ф. 25, оп. 161, св. 535, д. 15 («О происшествии, случившемся в Брестском пехотном полку»).

¹⁵ Филиал ЦГВИА, д. 534, л. 2512.

¹⁶ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 153 и 173.

¹⁷ Декабрист Н. Н. Раевский — полковник Харьковского драгунского полка.

¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 782.

солдатами», изнурял солдат продолжительной муштрой, во время которой подвергал их истязаниям за малейшие ошибки.

Летом 1823 г. перед выходом в лагерь солдаты заявили ему, что считают для себя непосильным выполнять его частые требования собираться в полной амуниции, ибо «у них (солдат.— В. Ф.) не достает денег на побелку ремней, ежели во всякий раз будут во всей амуниции». Перцов подверг жалующихся жестокому наказанию. Тогда вся рота явилась к квартире дивизионного командира генерала Желтухина с жалобой на Перцова и просьбой его сменить. Генерал Желтухин, сам славившийся жестокостью и поощрявший зверства офицеров над солдатами, в свою очередь наказал за жалобу 12 человек пятьюстами ударами каждого «по голому телу», приказав им «вести себя смирно». Поручик же Перцов смнен не был. Возмущенные солдаты сговорились выступить с протестом против притеснений на ближайшем инспекторском смотре. 25 июня во время смотра корпусным командиром генералом Сабанеевым 17-й дивизии, в которую входил Тобольский полк, 1-я гренадерская рота в полном составе выступила вперед и перед фронтом всей дивизии заявила открытый протест против притеснений своего ротного командира. Генерал Желтухин вынужден был отрешить Перцова от командования ротой и даже принять меры к переводу его в другую дивизию. О судьбе протестовавших солдат в документах, к сожалению, ничего не сообщается¹⁹.

В сентябре 1824 г. произошли волнения в лейб-гвардии Уланском и Конно-Егерском полках.

В лейб-гвардии Уланском полку 8 сентября, во время раздачи жалованья, в 6-м эскадроне «нижние чины объявили претензии за разные выслуженные вещи, им следующие», и отказались до удовлетворения своих претензий от получения жалованья за очередную треть года. Как можно усмотреть из дела, подобные претензии заявили и другие эскадроны полка. Один солдат, оставшийся неизвестным, ходил по эскадронам и уговаривал товарищей, чтобы они «в требованиях своих по оным претензиям были настойчивее». Начавшееся волнение было прекращено арестом 11 человек и преданием троих из них суду. Замешанные в этом деле унтер-офицеры были разжалованы в рядовые.

28 сентября в одном из эскадронов Конно-Егерского полка солдаты заявили, что они не хотят служить со старшим вахмистром «по причине его большой строгости и взыскательности», как мягко сформулировано в казенном документе. Когда эскадрону было приказано приготовить людей для развода караула, солдаты отказались выполнить приказ, заявив, что до тех пор ничего не будут исполнять, пока вахмистр не будет смнен. Прибывший к разводу полковой командир повторил приказание, но солдаты отвечали ему тем же и только тогда были приведены в повиновение, когда «зачинщики» тут же были наказаны. Происшествие было замято и не доведено до суда. Трое унтер-офицеров, оказавшихся в числе «зачинщиков», были разжалованы в рядовые и распределены по другим эскадронам полка²⁰.

В марте 1825 г. произошло волнение в команде выбранных в гвардию людей из полков 9-й пехотной дивизии. Начальником этой команды был ставший позже декабристом поручик А. В. Усовский.

В пути от Белой Церкви до Могилева Усовский заметил, что некоторые из солдат «напивались пьяны» и делали различные «вольности». По дол-

¹⁹ ЦГВИА, оп. 182 а, св. 22, д. 22.

²⁰ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, св. 9, д. 44.

гу службы Усовский «находил себя вынужденным приступить к наказанию виновных». Однако солдаты уже не были теми безответными существами, покорно терпевшими наказания начальника, какими их принято было считать раньше. Когда Усовский хотел наказать одного из провинившихся солдат, Тимофея Паршина, то последний «с дерзостью» ответил, что «он ни в чем не виноват и не позволит себя наказать», «к чему поощряли его товарищи, стоявшие во фронте». Тогда Усовский велел вывести из фронта и наказать «наиболее кричавшего» рядового Черниговского полка Кириллу Котикова. В ответ на это вся команда «подняла шум» и принудила Усовского прекратить наказание Паршина и Котикова. Происшествие в команде Усовского дошло до сведения высшего начальства. Виновные были преданы суду. Четверо рядовых — Кирилл Котиков, Тимофей Паршин, Николай Кузьмин и Семен Сухаревский — получили от 2 до 5 тыс. шпицрутенов и были сосланы: Котиков в Нерчинские рудники, а другие — в крепостные работы на два года. Остальных солдат команды как «недостойных служить в гвардии» раскассировали по разным полкам 11-й пехотной дивизии. «Бунт» предназначаемых в гвардию людей, даже специально отобранных, явился в глазах правительства серьезным событием. Командиры полков, откуда они были выбраны, получили строгий выговор, а командиры рот по приказу Александра I были арестованы на два месяца ²¹.

Вполне возможно, что волнение в команде Усовского сыграло большую роль в изменении взглядов самого Усовского. Несколько месяцев спустя после этого события (в августе 1825 г.) Усовский в лагере под Лещинам вступает в члены общества Соединенных славян и принимает активное участие в агитации среди солдат в пользу восстания. Впоследствии, даже под следствием, в тюрьме, Усовский не побоялся с гневом отозваться о существующих порядках в стране, при которых солдаты «обременены тягостною и долговременною службою», а их отцы, матери и братья находятся в рабстве и угнетении ²².

В августе 1825 г. произошло возмущение 1-й гренадерской роты Саратовского полка. История этого возмущения такова. Незадолго до выступления Саратовского полка в летние лагеря 1825 г. под местечко Лещин, 1-я гренадерская рота, бывшая раньше под командованием декабриста Спиридова, была отдана поручику Березину, который, «желая восстановить в ней порядок, поступал с нижними чинами весьма строго, что произвело между ними ропот». 30 августа рота явилась к командиру полка полковнику Брычеву и, бурно протестуя против жестокого обращения с ними Березина, потребовала сменить его. Солдаты заявили, что им «недостает сил терпеть» притеснения Березина, который постоянно ругает их «неприличными званием гренадеров словами», беспрестанно мучает их муштрой, так что им «не удастся и часу поспать». Солдаты отказались исполнять приказания полкового командира до тех пор, пока Березин не будет удален. «Помнится мне, — показывал командир Полтавского полка полковник В. К. Тизенгаузен (декабрист), — что сие упорство роты продолжалось несколько дней; офицеры никак не могли уговорить роту не дурачиться и успокоиться, — она все просила другого ротного командира и объявила, что из лагеря не выйдет, покуда им не переменят их мучителя». Полковник Брычев был принужден удовлетворить требования сол-

²¹ ЦГВИА, ф. 35, оп. 3/244, св. 143, д. 1648 («О происшедшем беспорядке в команде выбранных в гвардию людей из полков 9-й пехотной дивизии, бывшей под начальством поручика Усовского»).

²² ЦГИАМ, ф. 48, д. 143, л. 15—16.

дат — удалить Березина и вместо него назначить другого ротного командира. Сам факт возмущения роты решено было замять. Следствие, производившееся по делу о возмущении в Саратовском полку, свело все к простому недоразумению, причиной которого явилась якобы дурно сложенная в цейхгаузе амуниция²³.

После Отечественной войны 1812 г. и особенно в 20-е годы XIX в. растет недовольство крепостническими порядками и среди передового офицерства. Именно из этой среды вышло подавляющее большинство декабристов, хотя само движение декабристов далеко выходит за рамки собственно движения в армии. Углубление классовых противоречий в стране, революционные выступления в западноевропейских странах, а также знакомство с передовыми идеями Запада оказали большое влияние на настроения передового офицерства, среди которого все больше стали распространяться антикрепостнические идеи свободы, развиваться новые понятия долга и чести, непримиримые с проявлениями деспотизма и произвола. Участились случаи как одиночных, так и коллективных выступлений передового офицерства против существующего строя, увеличилось число военно-судных дел по офицерскому составу за политические преступления. О том, насколько распространился «дух вольнодумства» среди офицеров, свидетельствует уже тот факт, что только в одной 1-й армии в 20-х годах был учрежден секретный полицейский надзор за ста четырьмя д а ц а т ь ю офицерами, подозреваемыми в политической неблагонадежности²⁴.

Большинство офицерских выступлений протеста происходило на глазах солдат и в той или иной мере им было известно, оказывая свое воздействие на солдатскую массу.

В сентябре 1821 г. имело место коллективное выступление офицеров Новороссийского драгунского полка против грубостей и произвола их полкового командира полковника Зыбина. По свидетельству историка полка Потто, недовольство Зыбиным в полку возникло уже давно. В июле 1821 г. на инспекторском смотре дивизионный командир генерал-майор Загрязский, оставшись недовольным выправкой солдат, приказал Зыбину «исправить» полк. Зыбин рьяно приступил к занятиям и однажды на учении, заметив в 6-м эскадроне у одного рядового «неуровненную амуницию и непригнанные стремяна», подверг жестокому наказанию (тесаком плашмя) старшего вахмистра этого эскадрона. Офицеры были возмущены поступком Зыбина.

На следующий день, 25 сентября 1821 г., все эскадронные командиры явились к Зыбину и потребовали объяснений. Тот отказался дать объяснения. В знак протеста офицеры подали рапорты «о болезни». Для командования эскадронами Зыбин на их место назначил старших обер-офицеров, но и те демонстративно подали рапорты «о болезни». Большинство офицеров последовало за ними, заявив, что они «не хотят служить с полковником Зыбиным». Поступки офицеров Новороссийского полка, «не только нарушающие военную дисциплину, но явно обнаруживающие дух неповиновения противу начальства», вызвали сильное беспокойство командующего 1-й армией Сакена, который решил принять «энергичные меры». Было немедленно наряжено «строжайшее расследование». 19 офи-

²³ О волнении в Саратовском полку см. «Записки Горбачевского». Пг., 1916, стр. 22—23, 312—313; М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1927, стр. 122—124; «Восстание декабристов» т. IV, стр. 321; т. VI, 115, 352—353.

²⁴ ЦГВИА, ф. 343 (ф. Главного штаба 1-й армии) д. 186 («О состоящих на замечании офицерах»).

церов были арестованы, из них 8 преданы военному суду. На суде выяснилось, что почти все офицеры полка были замешаны в происшедшем «неповиновении». По конфирмации от 3 мая 1822 г. 8 преданных суду офицеров были лишены «чинов, орденов и дворянского достоинства» и определены рядовыми в различные конно-егерские полки. 11 офицеров раскассированы по различным драгунским полкам. В полках, куда поступили эти 19 офицеров, за ними был учрежден негласный полицейский надзор. Александр I приказал не принимать от репрессированных офицеров Новороссийского полка прошений ни в отпуск, ни в отставку. Однако офицеры добились своего: полковника Зыбина пришлось удалить из Новороссийского полка²⁵.

В марте 1822 г. в лейб-гвардии Егерском полку, стоявшем в Вильне, произошла известная «норовская история». Великий князь Николай, оставшись недовольным разводом двух рот, сделал в оскорбительной форме выговор ротному командиру — декабристу В. С. Норову, прославленному в боях и образованному офицеру, ненавидевшему шагистику. Норова, как свидетельствует Д. Н. Свербеев, «уважали и любили все его сослуживцы гвардейского егерского полка». Оскорбленные поступком Николая офицеры явились к батальонному командиру Толчамеву и потребовали, чтобы Николай «дал сатисфакцию» Норову. Николай отказался это сделать. Тогда около двадцати офицеров, среди которых были люди, близкие к декабристам, сговорились выйти в отставку. Первые шесть человек, уже подавшие в отставку — сам В. С. Норов, штаб-капитан Челищев, полковник Марков, поручик Панкратьев, прапорщики кн. Оболенский и кн. Урусов, были арестованы, «выдержаны» (Норов — полгода, а остальные по 3 месяца) на гауптвахте, а затем выписаны в армию. «Историю» с трудом удалось замять²⁶.

В течение нескольких лет волновались офицеры лейб-гвардии Литовского полка, протестовавшие против аракчеевских порядков в полку, против грубостей и произвола великого князя Константина Павловича и командира полка полковника Варпаховского, жестоко обращавшегося с солдатами.

Офицеры этого полка открыто порицали жестокое обращение с солдатами. Как сообщает историк Литовского полка А. Маркграфский, большинство офицеров «не позволяли себе гложуть во фронтовых занятиях», но занимались самообразованием: изучали теорию военного дела, читали философские и политические сочинения, произведения Грибоедова и Пушкина. «Любознательность офицеров л.-гв. Литовского полка и страсть к чтению, — пишет Маркграфский, — навлекли на них нерасположение великого князя (Константина. — В. Ф.). Многие из них были у него на замечании и считались до такой степени политически неблагонадежными, что за ними учрежден был тайный полицейский надзор, гораздо более строгий, чем в полках польской армии»²⁷.

²⁵ В. Потто. История Новороссийского драгунского полка. СПб, 1866, стр. 76—79; филиал ЦГВИА, ф. 534, д. 2418; ЦГВИА, ф. 343, д. 186, л. 26 об.

²⁶ О «норовской истории» см. М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 269—270; Н. П. Поливанов. Декабрист В. С. Норов (1793—1853). «Русский Архив», 1900, № 2, стр. 273—304; С. Шестериков. В. С. Норов. «Былое», 1925, № 2, стр. 87—89; Д. Н. Свербеев. Записки, т. II. М., 1889, стр. 17; Д. И. Завалишин. Записки, т. II. Мюнхен, 1904, стр. 43—44. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. II. СПб., 1888, стр. 361—370, прилож. стр. 100—101; «Русский Архив», 1881, № 2, стр. 297, 335.

²⁷ А. Маркграфский. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава, 1886, стр. 172.

Как показывают архивные данные, еще с 1821 г. в полку среди офицеров происходило сильное брожение и усиливалась оппозиция к Константину Павловичу. Документы глухо упоминают о нескольких «историях», происшедших в полку, в результате которых ряд офицеров подвергся аресту.

В мае 1822 г. недовольство офицеров вылилось в особенно крупную «историю». 1 мая 1822 г. во время учений полковник Варпаховский, подъехав к 5-й роте, ударил два раза «плашмя шпагою» одного солдата в передней шеренге за то, что он «при повороте не держал правою рукою край сумы и вяло повернулся». Командир 5-й роты штабс-капитан П. Габбе вступился за своего солдата. Варпаховский приказал ему замолчать, пригрозив за эту «дерзость» послать его под арест. Случившийся тут командир гренадерского взвода капитан Н. Н. Пущин²⁸ вступился в свою очередь за Габбе и обозвал Варпаховского «трусом» и «гороховым шутом».

Капитан Пущин по приказу Константина был арестован и предан военному суду. При аресте у Пущина среди его бумаг была обнаружена «оскорбительная противу начальства переписка», принадлежащая его товарищам по полку. Как из бумаг Пущина, так и из переписки его товарищей Константин усмотрел «дерзость противу начальства, невместное об оном рассуждение и наклонность к вредному и нетерпимому в службе вольнодумству». В числе «главных соучастников» Пущина оказались штабс-капитан Габбе и поручик Веригин, которых Константин вместе с Пущиным приказал также предать военному суду. Военным судом Пущин за свой протест против Варпаховского, а Габбе и Веригин «за дерзкие суждения о высших себя в чине и даже о начальниках своих» были приговорены к смертной казни «отсечением головы». Казнь была заменена лишением чинов, орденов и дворянства и переводом в армейские полки в качестве рядовых: Пущина — в Литовский и Габбе — в Волынский пехотные полки, а Веригина — в 50-й Егерский полк²⁹.

В июне 1822 г. произошло выступление офицеров Одесского полка, стоявшего в местечке Гайсине. Незадолго до этого полковым командиром был назначен грубый и необразованный «фрунтови́к» полковник Ярошевицкий, сменивший полковника фон Дрентельна, который был обвинен в «распущении субординации и нравственности офицеров полка» и в «установившемся в полку духе неповиновения».

Ярошевицкому было дано предписание «исправить» полк. Принятыми мерами по «исправлению» полка Ярошевицкий вызвал к себе ненависть всего полка, «начиная от штаб-офицеров, до последнего солдата», — как замечает декабрист Н. В. Басаргин. Чтобы отделаться от него, офицеры составили своеобразный заговор. 2 июня 1822 г., собравшись вместе, они кинули жребий, кому разделаться с Ярошевицким. Жребий пал на командира 8-й роты штабс-капитана Рубановского. На другой день был назначен дивизионный смотр. Войска вышли на место и стали во фронт. Штабс-капитан Рубановский привлек своей «вольной» позой Ярошевицкого, который подскакал к нему и начал осыпать бранью. В шести шагах от строя Рубановский набросился на Ярошевицкого, несколькими ударами свалил его на землю и избил в кровь так, что, по словам Басаргина,

²⁸ Н. Н. Пущин был лично знаком с П. И. Пестелем, начинавшем службу в л.-гв. Литовском полку, и после вел с ним переписку.

²⁹ ЦГВИА, ф. 25 оп. 161 б, св. 64, д. 2; ф. ВУА, д. 1794; филиал ЦГВИА, ф. 9, оп. 6, д. 13 (Доклады Аудиториатского департамента), д. 60; А. М а р к г р а ф с к и й. Указ соч., стр. 171—173, 177.

«долгое время на лице Ярошевицкого оставались красные пятна». На умоляющие просьбы Ярошевицкого придти к нему на помощь, схватить и арестовать Рубановского никто из солдат и офицеров не тронулся с места. «Все оставались спокойными зрителями сего ужасного действия», — доносил после царю об этом происшествии сам Ярошевицкий. Подбежав к стоявшим в строю солдатам, Ярошевицкий схватил было для обороны ружье у рядового Клементьева, но тот оттолкнул своего полкового командира и ружья не дал. Лишь когда с противоположного фланга прискакал дивизионный командир генерал Корнилов, тогда только Рубановский был схвачен и отведен под караул.

Громкую «историю» решили замять. Документы первого следствия, вскрывавшие общее недовольство Ярошевицким в полку и заговор против него офицеров, были уничтожены. Пострадал только один Рубановский, который был лишен чинов, орденов и дворянства и сослан навечно в Нерчинские рудники. Остальные офицеры, замешанные в «истории», отделались тем, что их раскассировали по разным полкам. Бригадный командир генерал Мордвинов, знавший о готовящемся выступлении офицеров Одесского полка и не принявший мер к его предотвращению, по настоянию начальника штаба 2-й армии Киселева был отстранен от командования бригадой³⁰.

Приведенные нами материалы позволяют сделать вывод, что во время революционной деятельности декабристов в 20-х годах (накануне их выступления) в русской армии происходило довольно значительное брожение, направленное против крепостнических порядков и угнетения.

Интересно, что за это время можно отметить факты открытых выступлений офицеров-декабристов еще до самого восстания декабристов и брожение среди той передовой части офицерства, которая хотя и не была формально связана с деятельностью тайных обществ декабристов, но по сути дела разделяла декабристские взгляды.

При внимательном изучении характера движения в армии в годы деятельности декабристов нам не удалось обнаружить ни одного волнения в армии, в котором солдаты и офицеры действовали бы совместно. Солдатское движение и движение передовой части офицерства представляли собой два потока, действовавших хотя и в одном направлении, но отдельно друг от друга.

Брожение в армии, как и вообще все массовое движение в стране, оказало большое влияние на революционную деятельность декабристов. Изучение этого вопроса лишний раз доказывает, что движение декабристов не было беспочвенным, наносным явлением, а возникло из самой российской действительности, которая являлась решающим фактором, определявшим характер и направление движения декабристов. Декабристы, основным лозунгом которых была борьба против самодержавия и крепостничества, учитывали рост недовольства солдатской массы крепостным строем и ее заинтересованность в установлении новых порядков в стране. Они внимательно следили за ростом антиправительственных и антикрепостнических настроений в солдатской массе, тщательно собирали сведения о проявлениях солдатского недовольства. Ведя агитацию среди солдат по подготовке их к восстанию, декабристы, несмотря на свою дворянскую ограниченность, опирались в этой агитации на рост солдатского

³⁰ ЦГВИА, ф. 29, оп. 159а, св. 585, д. 26, л. 12, см. также о волнении в Одесском полку: Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 17—18; ЦГВИА, сп. 183, св. 333, д. 69; филиал ЦГВИА, ф. 535, оп. 1, д. 121 и 122; Сб. РИО, т. 78, стр. 106.

недовольства и рассматривали его как благоприятное и необходимое условие для совершения государственного переворота. Декабрист М. Бестужев-Рюмин показывал, что члены тайного общества декабристов в своих действиях «основывались на всеобщем негодовании в войсках»⁸¹.

Следовательно, чтобы правильно понять истоки и характер революционной идеологии декабристов, необходимо обратить серьезное внимание на изучение широкого брожения угнетенных масс, развернувшегося в стране, в частности на нараставший протест в армии против устаревшего крепостнического строя.

⁸¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 83.

Другие материалы сборника можно найти в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Материалы о декабристах

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=236973>